

● «Все деньги видно на экране»

Интервью с директором рекламного агентства Ильей ОЛЕНЕВЫМ, который воспитывает клиентов и не любит рекламные паузы

25

НОВАЯ
ГАЗЕТА

часть 3

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

● После его книги многие впервые открыли Библию

О Михаиле ДЫМОВЕ, авторе книги «Дети пишут Богу», вспоминает его сын.....

23

● Что мешает Фернандо КАВЕНАГИ в России

Самый дорогой форвард в истории российского футбола — о живописи, пробках и русских снежных бабах.....

27

НОВАЯ ГАЗЕТА. - 2005. - 31.10-02.11.2005. - с. 21, 22

Если возникает факт искусства, не укладывающийся в нормативные форматы, его называют элитарным. Ирина Богущевская поет от первого лица единственного числа. «Все это шоу для тебя одной» — название одной из ее программ.

Критики уже сбились с ног, пытаясь окантовать ее песни жанром и стилем: «модерн-шансон», певица декаданса, «интеллектуальное кабаре». Но меньше всего она похожа на салонную диву или певицу для снобов. Да и вообще — так ли важно, «для кого будет петь родник?».

Недавно состоялась премьера альбома «Нежные вещи». А до того были «Лёгкие люди». Музыка и стихи, наполненные светом, каплей надежды. Она сама и есть «надежды маленький оркестрик», хрупкий стоик весом 47 кг.

шее своего. До какого-то момента я надеялась, что получится совместить. У меня перед глазами были барды Никитины, которые занимались наукой, а вечерами выступали в концертах... Но выяснилось, что род музыки, которой я живу, поглощает целиком.

— Что это за род?.. Как он появился, может, для него и необходимы были все эти зигзаги?

— Думаю, что я сформировалась в театре МГУ. Иной жанр,

Где-то она сказала, что предпочитает выключать телевизор. Прячется?

— Я человек с тонкой кожей, это правда. Думаю, любой, занимающийся музыкой, поэзией, так организован. Более чувствителен,

поднятой Чулпан Хаматовой и Динной Корзун, организовавшими благотворительный концерт для больных лейкозом детей. Я пела там песню «Стать ангелом» — про то, что каждый из нас может дать кому-то шанс на спасение. Так

«В нашей жизни катастрофически не хватает порядочных Штольцев»

Ирина БОГУШЕВСКАЯ:

Здесь кто-то постанововил, что пипл хаваает пластик

«Но, кроме людей с квадратными головами, по-прежнему много яйцеголовых!»

чем бардовская песня. Музыка, организованная по другим законам. Мы пытались тогда своими доморощенными средствами, юной наглостью делать нечто вне рамок. Потом мы все это увидели в мюзиклах. С Александром Скляр-ом она исполняла песни Вертинского. По ощущению она сама вынырнула из какого-то поэтического салона Серебряного века. И голос напоминает звук поющего стекла, к которому едва прикасаешься пальцами. Непонятно, как это поющее облако чувствует себя в нашем загазованном войной и бедами пространстве? На фоне горя Беслана, фронтовых операций в Нальчике.

чем среднестатистический гражданин, с девяти до шести сидящий в учреждении. Действительно, стараюсь закрываться от вещей, которые не в силах изменить. Но была и такая история: сын университетской подружки заболел лейкозом, попал в больницу. Пытаюсь помочь, рыскала в интернете, искала благотворительные фонды, выяснила, насколько чудовищно обстоят дела с детским здравоохранением. Я была в шоке, потому что — да! — живу в каком-то коконе, оранжерее, которую сама же себе соорудила. И вот по ее стеклам поползли трещины человеческого страдания. Я поняла, что не буду обращаться ни в какие фонды. Использую свои ресурсы, известность. Завела для этого Живой Журнал в интернете, разместила призыв о помощи. Огромное число людей откликнулось. Проблему с донорской кровью решили. Мальчик выжил! Продолжает учиться...

Коллективное усилие принесло нам самим вдохновляющий результат. Все это совпало с волной,

что эмоциональный шок не может не вылиться в творчество. Но я ничего не могу сделать, чтобы обеспечить безопасность всех в стране. Я не ФСБ. Поэтому, когда вижу людей, пострадавших от терактов, единственная моя реакция — сострадание.

— Есть ощущение, что вы — «человек дистанции». С залом — я сама наблюдала — никакого заигрывания, подчеркнутая уважительность. Дистанция со своей лирической героиней. Да, судя по всему, и с жизнью... Есть необходимость ухода в себя?

— Совершенно правильное ощущение. У меня широкая зона того, что называется английским словом privacy (уединение, частная жизнь). Для меня это гигиена такая творческая. Заметила такую вещь: если начинаешь вести активную социальную жизнь, она тебя разрывает, как капля никотина — того хомячка. Скажем, когда готовили концерт-презентацию альбома «Нежные вещи» во МХАТе, мне пришлось волнен-ноленс в течение трех недель не отключать телефон, отвечать на все звонки, общаться сутками. Я поняла, что начинаю сходить с ума. Перегружается мой «бортовой компьютер». Ведь у него своя нагрузка: тихонько играет музыка, роятся какие-то строчки. И для того, чтобы их ухватить, нужны тишина, сосредоточенность. Мы живем в агрессивной среде: шумовой, звуковой. Просыпаюсь утром и чувствую, что вокруг меня порхает какой-то невозможно прекрасный мотив. Я его ухватила, даже услышала, о чем он, угадала очертания образа. Но надо спешить, потому что назначена репетиция. Из первого же ларька меня обстреляет музыкальный гранатомет — и все убито: мотив, образ. Да, необходимо периодически закрываться в свою раковину...

— В ваших песнях звучат голоса прошлого: музыка 50-х, латиноамериканские самбо и босанова, Орлова и Шульженко... Это не стилизация. Порой даже слышны узнаваемые цитаты.

— Убедена, что каждый из нас является суммой каких-то влияний. Другое дело, что можно остаться «суммой», а можно, осмыслив эти сложные величины, привнести свое, стать неким целым. То есть перевести алгоритм в эвристику. Я не стесняюсь цитировать. У меня есть цитаты из Жобима, гениального бразильского композитора. Плюс море реминисценций из поэтического текстов, меня воспитавших. Что же касается советской эстрады, то она была великой в 30—50 годы. Творили личности — Дунаевский, Цфасман, Варламов, Утесов... Вообще непонятно, как он остался жив, позволяя себе и оркестру исполнять фрейлехс в советское время, я имею в виду, например, песню «Дядя Эля».

Окончание на стр. 22

Ее научный руководитель Зотов сказал, что умные женщины, как правило, несчастливы в личной жизни. Неверное правило. Ирина производит впечатление человека счастливого. Склонная к анализу, неустанно выводит для себя формулы гармонии. Одна из них о том, что страдать не нужно, это даже противопоказано. И теперь она прячет «взгляд Пьеро» под «маской Коломбины».

— Вся первую половину своей жизни я училась двум вещам: мыслить и страдать. Произрастая в благополучной дипломатической семье, лепила «страдательный» образ с Цветаевой, Ахматовой, с трагических поэтов Серебряного века. Родители не понаслышке представляли, как устроен не наш, не советский мир. А с другой стороны — родная школа, комсомол, розовощекие пионеры с горнами. В школе сплотился кружок из пяти девочек. После уроков про образ советского человека в произведениях не помню кого мы забивались куда-нибудь с томиком Цветаевой или слепыми листами со строчками Гумилева. Читали, курили, чувствуя себя ужасно порочными. Развивали себя перпендикулярно тому, что нас окружало. Выстраивая свой «мучительный» образ, я не понимала, что закладывала себе некую программу. Потом она определяет поведение, людей, с которыми общаешься, отношения, в которые вступаешь, события, которые начинают с тобой происходить. От того, какой «софт» стоит в голове, все и зависит. Это утверждение могу доказать фактами собственной жизни. Я развивалась в ареале вымечтанных трагедий, пока жизнь не прищепнула, чтобы я поняла, как следует ею распоряжаться. Были там и развод, и тяжелейшая автокатастрофа, и кризис... Лишь «у черты последней на краю» понимаешь, насколько колоссален ресурс жизни. Из всего этого я вышла другим человеком. Убежденным, что анализировать надо, а вот страдание — признак того, что ты необучаем. Мне кажется, великая русская литература отчасти способствовала культу страдания «мучимых» людей.

— Но про них же интересно...

— Эх, не знаю. Перечитывали мы с сыном Достоевского. И был там такой Разумихин. Пока Раскольников сидел неумытый и выбирал, убивать — не убивать, Разумихин занимался книгами, бегал из библиотеки в библиотеку. Что-то читал, переводил, организовывал. Вот и Обломов вечно дрыхнет в грязной комнате с паутиной по углам, а Штольц, у которого свое дело, пытается его оттуда вытащить. Мне почему-то Разумихин и Штольц симпатичней так называемых высокоорганизованных героев классической литературы. В нашей жизни катастрофически не хватает порядочных Штольцев.

— «Боль — лишь повод для новых строк и нот». Разве может поэт быть счастливым, сочиняя вещи, которые бы трогали, волновали, болели?

— Понимаете, жизнь каждого из нас трагична. Даже если у тебя такой личный кодекс: не делать культа из своих переживаний — никуда не деваются такие сущности, как любовь и смерть.

Ирина БОГУШЕВСКАЯ:

Здесь кто-то постановил, что пипл хаваает пластик

— У вас, как и у меня, растут сыновья. Эта маячащая в перспективе армия своей надвигающейся неотвратимостью разве не вторгается в вашу «оранжерею»?

— Когда накатывают проблемы подобного рода, поэт уходит во мне куда-то далеко-далеко. Выхожу из башни из слоновой кости и с оружием в руках решаю проблемы.

Я — пацифистка. Недавно взяла знаменитую мелодию, «Парад», которую пела Астрид Жильберто. В оригинале там просто перечисление: вот майский парад, потом Марди-Грас, потом кристмас-парад. Столь незагруженный текст не могу себе позволить! Так сочинился мой «Парад»: «...Сегодня слово «война» сотрут из всех словарей... Все генералы, нарядившись зверюшками, Идут, помахивают лапками, ушками...». Утопия, конечно, ведь мы живем в мире, разрезанном границами с собаками и пушками. Но задуман-то он был по-другому.

— В какой тональности вы ни пели, у песен — мажорный вектор. В ЖЖ разные люди предлагают вам свои варианты рецензий на диск с концерта «Нежные вещи». Я стала думать: «Что же особенного было в этом вечере?». Он был живой. Не потому, что без фонограмм. Все, что происходило на сцене, рождалось в эту

секунду. Как вы смотрели друг на друга с музыкантами, как подшучивали друг над другом. Ощущение живого музыкального действия никакой диск не передаст.

— Мне безумно приятно все это слышать, об этом я мечтала. Раньше со мной плакали на концертах, а мне хотелось, чтобы уходили счастливыми. Слава богу, удалось найти музыкантов-единомышленников.

— Великолепные музыканты с блестящим чувством юмора. Каждый — индивидуальность. За ними следить интересно. Особенно колоритен контрабасист.

— Абелардо Альфонсо Лопес закончил Московскую консерваторию. Выиграл на Кубе конкурс, и его послали учиться в Москву. Героический товарищ! Грянула перестройка, и кубинское правительство решило срочно забрать учащихся подальше от тлетворного влияния гидры империализма. Третьекурсник Абелардо стал невозвращенцем. А когда выяснилось, что его лишают финансирования и выгоняют на улицу, он дого-

ворился с преподавателями и экстерном сдал 54 экзамена за следующие два курса. Гитариста Ваню Жука сосватали общие знакомые, рассказав о таланте, виртуозности, харизматичности. Наше знакомство было ошеломляющим. Иван пришел: «Сейчас сыграю, только гитара — не моя, свою вчера разбил, показывал, как Бандерас играет». Тут Ваня закончил гитару за голову... Он такой на самом деле — не от мира сего. К тому же из известной театральной питерской семьи, поэтому хорошо понимает, что такое существование на сцене. Бешеная органика. Эта пара может держать зал столько, сколько нужно. Плюс Антон Дашкин — один из лучших российских барабанщиков. Сейчас готовимся к концерту в Кремле. 26 ноября хочется устроить там праздничную жизнь.

— Наконец-то в Кремле выступает не только Сергей Зверев...

— Площадка непростая, прежде всего по звуку. Но когда спросили: «Хочу ли я петь в Кремле?» — конечно,

хочу. С детства об этом мечтала. Мечты было три. Первая — петь, как Любовь Орлова, вторая — петь в Кремле и третья — быть вождем народа.

— Что ж, Любовью Орловой вы практически стали в мюзикле «Веселые ребята». В Кремле — вот-вот... Осталось только выбираться в президенты.

— Я пока подожду. Материала собралось на три пластинки как минимум. Пишу безостановочно. Нашла для себя аналогию с детской задачей про бассейн с трубами. В «бассейне» у меня песни. Большая широкая труба «впадает» вместе с новыми песнями. Труба, из которой они «вытекают», — более узкая. Я — перфекционистка: надо, чтобы все было сделано хорошо. К тому же живая музыка затрывает, это не синтезатор.

— Еще один из ваших постулатов — вопрос творческой гигиены: важно держать себя в чистоте. Неужели ни разу не приходилось идти на компромиссы, петь не то, что нравится, а что «попросят»?

— Пока удавалось не переступать...

— Мне кажется, что среди «Нежных вещей» есть потенциальные хиты, если их «крутить»... Не считаю, что лишь примитивная музыка имеет шанс стать шлягером. Во времена Верди на рынках и ули-

цах Италии распевались оперы и хоры.

— Это вопрос эфирной политики.

— У вас есть своя версия на этот счет?

— Думаю, программные директора собрались однажды на тайное совещание и постановили: «Не пускать Богусhevскую в эфир». (Смеется.) И это хорошо! Пару лет назад была передача «Земля-воздух», и в ней один крупный программный директор назвал свою станцию «лохотропом». Я аж откинулась в кресле и подумала: «И слава богу, что меня нет на этом «лохотроме». Не хочу свою публику считать лохами. Хочу уважать ее»...

«Вынимая билетик счастья...». Музыкант похож на свою музыку. Она похожа на какую-то птицу. Райские птицы не живут в морозном климате. Соловьи мерзнут, но возвращаются домой. В сказке Андерсена скромного живого соловья подменили заводными, осыпанными драгоценными камнями. Сегодня время заводных птиц с механическими голосами и искусными фонограммами...

— Мне, напротив, кажется, что приходит время маленьких настоящих птичек. Люди же понимают, что их кормят пластиком вместо живого продукта. 10 лет есть из тюбиков! Не знаю, насколько прав «Ньюсуик», утверждающий, что рейтинги попсовых станций падают, популярными становятся

концерты клубных музыкантов, играющих настоящую музыку. Себе я сказала: «Да, я живу в такое время в такой стране. Здесь кто-то постановил, что «пипл хаваает пластик». Мы, конечно, пропитаны вибрациями. Что ежесекундно вибрирует — тем и пропитываемся. Но, помимо населения, уже вскормленного «Аншлагом», помимо людей с квадратными головами, по-прежнему очень много яйцеголовых!»

— Вы заговорили про время. У вас не было ощущения, что живете со временем не в ногу?

— Как ни странно, совпадение со временем я почувствовала в начале 90-х. Несмотря на то, что вся моя тихая аспирантская жизнь рухнула. Чтобы купить ребенку бананы, пришлось идти работать диджеем. Тем не менее возникло ощущение будто после долгого времени в душном помещении вдруг открыли окно. Эйфория от гипотетических колоссальных перспектив сквозила из всех щелей. Все бросились организовывать свое дело. Кто-то вписался, кто-то нет, но настроение подъема пьянило. Потом пришли отрезвление, крушение иллюзий, кризисы внешние и внутренние... Тем не менее мне хорошо в настоящем времени. Отдаю себе отчет, что живу в уникальной стране, стремительно проходящей стадии развития, которые другие страны преодолевают веками. В этом и драматизм, и шанс.

● Лариса МАЛЮКОВА, обозреватель «Новой»

«Не хочу свою публику считать лохами. Хочу уважать ее»